

ВИКТОР МАРТЫНОВ: «У НАС ВСЕ ТОЧНО»

В разгар поступлений в вузы «Нефтегазовая Вертикаль» поговорила о ситуации в отраслевом образовании с Виктором Мартыновым, ректором РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина.

НГВ: *Сейчас разгар приемного сезона, и по составу и количеству абитуриентов вы, наверное, уже можете судить, каким спросом пользуются сейчас нефтегазовые специальности и профильное образование в целом?*

В. Мартынов: Спрос на специалистов ТЭК характеризуется большой устойчивостью. Отрасль стабильна и успешна. Число работающих сохраняется приблизительно на одном и том же уровне, поэтому спрос на профессии

мы прогнозируем достаточно точно. А это, в свою очередь, отражается на структуре и общем количестве наших студентов. И проходной балл ЕГЭ по нашим специальностям год от года растет.

НГВ: *Вместе с интеллектуальным уровнем поступающих?*

В. Мартынов: По формальным показателям абитуриенты лучше с каждым годом. А вот как это соотносится с реальными знаниями – открытый вопрос. Во всяком случае, это отношение нелинейно. У общего среднего образования, как такового, сохраняются, на мой взгляд, большие проблемы.

В текущей ситуации повышать добычу, чтобы продавать нефть и газ на запад за «фантики», – не самый рациональный подход. Наоборот, вполне возможно, что по целому комплексу причин, в том числе и санкционных, мы будем несколько меньше добывать углеводородных ресурсов, оставляя у себя в стране большие объемы

В старших классах школьники ориентированы на изучение только тех предметов, по которым они будут сдавать ЕГЭ. Например, на специализацию «Разработка нефтяных и газовых месторождений» необходимы хорошие результаты ЕГЭ по математике, физике, русскому языку. Этим предметам старшеклассники и уделяют серьезное внимание, а химии – нет! Но без знания химии учиться в Губкинском университете невозможно. И не только тем, кто поступает на химико-технологический факультет.

На отсылках к школьному курсу химии, на знаниях, полученных в школе, строятся многие учебные курсы. Не лучше дело обстоит и с географией. Современный инженер, востребованный специалист – это человек широкого кругозора и серьезных, практически энциклопедических знаний. Поэтому пренебрегать предметами, не «идущими в зачет» по ЕГЭ, не стоит.

НГВ: *Ужесточение условий работы нефтяной и газовой промышленности в Российской Федерации не отпугнуло молодежь, определяющуюся со своей будущей специальностью?*

В. Мартынов: Если мы имеем в виду антироссийские санкции, то нет. Скорее я вижу обратное. Несмотря на то, что сегодня российский нефтегазовый сектор работает не в самых простых условиях, молодежь очень стремится получить образование по нашим специальностям. Почему так? Я объясняю это внутренними причинами. Думаю, не в последнюю очередь это связано с дальнейшим трудоустройством, с его надежностью.

По данным Министерства науки и высшего образования РФ о результатах прошлого выпуска, которые мы недавно получили, у наших трудоустроившихся выпускников самая высокая в стране заработная плата в первый же год работы. По университету в целом это 84 тысячи рублей в месяц, а у магистров 120 тысяч рублей в месяц. Согласитесь, по всем возможным критериям оплата труда у наших молодых специалистов уже с самого начала весьма и весьма достойная. Причем уровень трудоустройства по первому году у магистров – 100%, у специалистов-бакалавров – 96%. Я бы затруднился указать на какие-нибудь иные вузовские специализации со сравнимыми показателями.

НГВ: *Если уж ваши выпускники нарасхват прямо на выходе из вуза, может быть, стоит увеличить выпуск?*

В. Мартынов: Не думаю, что это хорошая идея. У нас все точно. Мы свою задачу видим не в том только, чтобы дать студентам хорошие профессии. Самая основная задача состоит в том, чтобы трудоустроить их по специальности. Мы видим, сколько специалистов требуется в год, и практически ровно столько мы и готовим, обеспечивая необходимый приток профессионалов в отрасль, но не избыточный. Готовить молодых людей, которые будут растерянно озираются, выйдя из наших аудиторий, не зная, куда им теперь идти, было бы неправильно и нечестно. Я бы даже сказал сильнее. Мы принципиально не выпускаем людей, что называется, «на свободный рынок труда». Это не наш принцип. Все жестко взаимосвязано – отрасль, отраслевые специалисты, наш университет.

Востребованность водорода нашей промышленностью неочевидна. Европейцы таких поставок от нас не ждут. Азии и Африке это тоже не особенно нужно. Будет сбыт – будем думать

Мы стараемся очень плотно работать с Советом профессиональных квалификаций. Все программы аккредитуются, в них постоянно вносятся изменения, чтобы учесть меняющиеся требования промышленности. Мы готовим профессионалов для конкретной отрасли и под конкретные предприятия.

Во многом это определяет наше принципиальное отличие от тех вузов, которые дают образование по специальностям, которые, может быть, и нужны в целом для экономики, но целевого расчета спроса на такого рода специалистов нет.

У нас достаточно много целевых студентов, как их называют – «целевиков», т. е. под заказ конкретного предприятия. Но даже если место нецелевое, то студент обя-

зательно проходит производственную практику в компании, на ее предприятии, на конкретном рабочем месте, где к моменту окончания университета его уже знают и могут оценить по достоинству. А поскольку мы даем хорошее образование, то и оценивают их высоко.

НГВ: *Куда сейчас больше всего идут, какие именно специальности пользуются самым высоким спросом?*

В. Мартынов: Тут у нас тоже все достаточно традиционно. В целом, все абитуриенты разбиваются на два магистральных потока.

Один поток – это разработка нефтяных и газовых месторождений, то есть все, что связано с добычей сырья и далее – с трубопроводным транспортом. Второй – химические технологии, то есть переработка добытого сырья. Как видите, логика обучения точно следует за логикой производства. Два эти направления и по количеству поступающих максимальны, и самые высокие баллы ЕГЭ тоже требуются именно на этих направлениях.

Геологоразведческие специальности в университете тоже есть, но здесь ситуация не столь стабильна. Но мы тщательно отслеживаем современную ситуацию. И поскольку сейчас разведка новых месторождений практически приостановлена, а проводятся либо доразведка, либо подсчет запасов, на эти специальности набор у нас небольшой. Иначе у выпускников возникнут проблемы с трудоустройством. Да и зарплаты в геологоразведке ниже, так что спрос у поступающих тоже не самый высокий.

НГВ: *Отечественные компании пока не сообщают вам о своих планах повысить добычу и расширить разведку?*

В. Мартынов: Планы у каждой компании должны быть заготовлены на самые разные сценарии. Но давайте посмотрим на ситуацию «открытыми глазами». Думаю, в текущей ситуации повышать добычу, чтобы продавать нефть и газ на Запад за «фантики», – не самый рациональный подход. Наоборот, вполне возможно, что по целому комплексу причин, в том числе и санкционных, мы будем несколько меньше добывать углеводородных ресурсов, оставляя у себя в стране большие объемы. Но геологоразведку, соглашусь с вами, вести надо, открывать новые месторождения и ставить их на баланс. Это реальный ресурс, который всегда можно монетизировать.

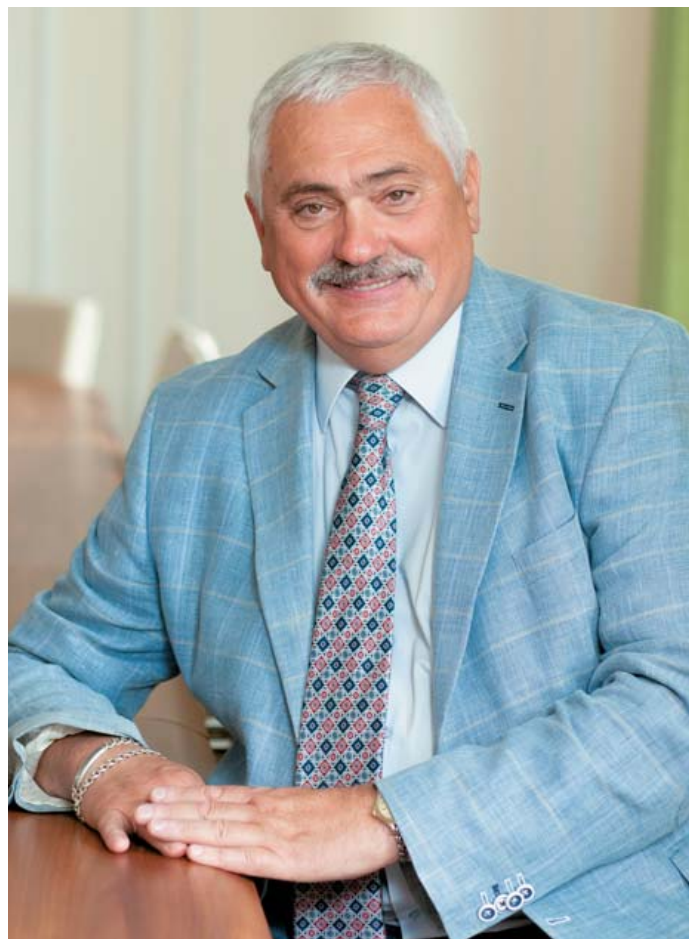
НГВ: *Специалистов по ТРИЗ вы готовите на отдельных курсах или кафедрах?*

В. Мартынов: Ну что вы, конечно, нет. В России практически все запасы сейчас трудноизвлекаемые. Давно прошла эра легкой нефти, которую добывали с глубины несколько сот метров, и, кстати, картинки устремляющихся в небо факелов тоже неактуальны. Ко-

нечно, это была мечта... Терригенные коллекторы с высокой пористостью, высокой проницаемостью... Ничего особенного и делать было не нужно. Ни в одной провинции, практически ни на одном месторождении ничего этого уже нет. С каждым годом мы уходим на все более

Пробурить в земле отверстие и получить фонтан – дело нехитрое, но ушедшее в далекое прошлое. Возможно, для многих это прозвучит странно, но по сложности мы постепенно приближаемся к стандартам освоения планетарного космоса

значительные глубины. Требуется больше горизонтальных скважин. Все чаще производятся гидроразрывы пласта. И вдобавок ко всему, вся эта работа все дальше сдвигается на Крайний Север. Или, в другом сценарии, нам принадлежат уже выработанные месторождения, с высокой обводненностью. Это тоже трудноизвлекаемые запасы, технологически недоступные или совершенно нерентабельные еще вчера, но уже востребованные, если не сегодня, то завтра. Всему этому мы и учим. Так что готовить своих студентов нам приходится ко все бо-

лее сложным вещам. Пробурить в земле отверстие и получить фонтан – дело нехитрое, но ушедшее в далекое прошлое. Возможно, для многих это прозвучит странно, но по сложности мы постепенно приближаемся к стандартам освоения планетарного космоса.

НГВ: А что вы скажете про новые «всепланетные» вены – я имею в виду ВИЭ, водородная энергетика?

В. Мартынов: Вузы, где создана кафедра возобновляемой энергетике, можно пересчитать по пальцам одной руки.

Мы занимаемся этим вопросом достаточно давно, уже шестой год работаем по направлениям ВИЭ на базовой кафедре совместно с компанией ЛУКОЙЛ. У них в хозяйстве есть и гидро-, и ветровые, и солнечные электростанции.

Востребована ВИЭ в основном там, куда невыгодно тянуть магистральные сети. Зачем ставить в глухой тайге опоры ЛЭП, тянуть линии, которые надо еще и обслуживать, если можно обойтись ветряками или солнечными батареями? Мы исходим из идеи, что, чем препятствовать, лучше возглавить.

У нас есть магистерская программа ВИЭ, специалистов мы выпускаем. Они умеют считать и понимают, что там, где сила воды, ветра и света позволяют избежать непомерных расходов горючего, они полезны

Наука в обществе все-таки – авторитет. За ней не только знания. И уж совсем не апломб, а мудрость природы. У нас есть магистерская программа ВИЭ, специалистов мы выпускаем. Они умеют считать и понимают, что там, где сила воды, ветра и света позволяют избежать непомерных расходов горючего, они полезны.

Что касается водорода... В прошлом году мы довольно интенсивно занимались водородной энергетикой. Прочитали своим студентам большой курс, куда вошли все вопросы – получение, транспортировка, использование.

Но сейчас интерес снизился. Все-таки во многом это хайп. Зачем нам в чистом виде добывать водород, когда у нас в больших количествах есть метан? В чистом виде поставлять водород отсюда в Европу тоже не очень реально.

В принципе, водород производится у нас на любом НПЗ. Вопрос в сбыте. Востребованность водорода нашей промышленностью неочевидна. Европейцы таких поставок от нас не ждут. Азии и Африке это тоже не особенно нужно. Будет сбыт – будем думать.

Так что мы курс построили, обкатали, «положили в портфель».

НГВ: Получается, вы хайповые тенденции отслеживаете, учебные курсы готовите, и как только возникает спрос – если он возникает, – запускаете по ним обучение. Одно время на слуху были слова «бионефть», «биогаз», на них вы тоже, надо думать, отреагировали?

В. Мартынов: Если держаться органической теории происхождения нефти, то она вся – «био». Только это продукт длительного вызревания, а нам предлагают ускорить процесс. Для нашей страны я большого смысла в этом не вижу, поскольку у нас есть нефть натуральная.

Мы можем, конечно, из органических материалов получать биотопливо. За этим мы следим и у себя в университете такие направления разрабатываем. Это прежде всего полезно для утилизации органических отходов. Но их надо собирать, сортировать, это отдельный вопрос, которым кто-то должен заниматься.

С биогазом еще проще – можно у каждого коровника собирать навоз, определенным образом перерабатывать и получать газ биологического происхождения, но низконапорный и в малых объемах. И все это только для того, чтобы ферма отапливалась собственным продуктом? Но себестоимость обычного газа у нас ниже, чем стоимость биогаза, который мы таким образом получим.

А что такое биодизель? Это просто рапсовое масло, кроме того, можно использовать другие масличные культуры. Но если мы больше сеем такого рода культуры под получение биотоплива, то, соответственно, какие-то другие культуры, в первую очередь, продовольственные, мы сеем меньше. В сегодняшней ситуации я бы сказал, продовольствие значительно нужнее, чем биодизель.

Биоэтанол, который идет как 20%-ная добавка к бензину, улучшая его экологическое качество, по прямому происхождению – этиловый спирт. И где мы будем брать этил? Допустим, в Бразилии с этим все в порядке, там растет сахарный тростник. У нас сложнее.

Всегда возникает проблема целесообразности, тем более что чисто экологические выгоды при этом довольно сомнительные.

Мы изучаем все новые направления, более того, многие разрабатываем сами – все-таки мы научно-исследовательский университет, и создание продуктов, дружественных окружающей среде, входит в сферу наших интересов. Но эффективность от введения должна превышать затраты.

НГВ: В общем, по большому счету, изучая самые разные альтернативы, вы храните верность нефтегазовой промышленности, имея на то серьезные научные основания.

В. Мартынов: Совершенно верно. История показала, что у России есть три опоры: армия, флот и нефтегазовая промышленность. И сегодня все три нужны как никогда. 🇷🇺

13–16 СЕНТЯБРЯ 2022

Санкт-Петербург

КВЦ «Экспофорум», павильон Н

OMR

**МЕЖДУНАРОДНАЯ ВЫСТАВКА И КОНФЕРЕНЦИЯ
ПО СУДОСТРОЕНИЮ И РАЗРАБОТКЕ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОГО ОБОРУДОВАНИЯ
ДЛЯ ОСВОЕНИЯ АРКТИКИ И КОНТИНЕНТАЛЬНОГО ШЕЛЬФА**

СУДОСТРОЕНИЕ ОСВОЕНИЕ АРКТИКИ ШЕЛЬФ

При поддержке:

**МИНПРОМТОРГ
РОССИИ**

www.omr-russia.ru

Организатор:

ЛУЧШИЕ ОТРАСЛЕВЫЕ КОММУНИКАЦИИ И НЕТВОРКИНГ